

Константина Аркадьевича Громова весь вечер тяготило странное предчувствие. Непонятное беспокойство затаилось глубоко в душе. Оно-то и не давало покоя. Это был мужчина маленького роста с аккуратной лысиной и среднего телосложения. Везде во всем внимателен, нетороплив. Ни лишнего словечка тебе не скажет, не придерется просто так по пустякам. Вел тихую однообразную жизнь. Работал Константин Аркадьевич в сельской школе учителем. Вот уже как тридцать лет преподавал юным односельчанам историю. Дочь его Олеся этим летом окончила школу и уже подала документы в городе, в институт. С раннего детства мечтала стать врачом. Как-то налажено и гладко шла у Константина Аркадьевича жизнь, хоть другим в пример ставь - взрослая дочь-умница, рядом любимая жена, дом, хозяйство, работа, приносящая людям пользу. И, наверное, оглянись сейчас Громов назад, то смело мог бы признать: «А ведь, и правда, жизнь прожил как человек». А, поди, тоже бывало, как и у всех: и радость и боль, разочарование и успехи, а все же

сумел пройти эту длинную дорогу как надо. И все бы так и шло своим путем к спокойной тихой старости, если бы не Васька-безотцовщина. На селе его прозывали коротко – шалопай. Он, действительно, был какой-то бестолковый, дурной. Никаких слов не понимал. Если уж, что вбил себе в голову, ни одним ломом не разогнуть. Константин Аркадьевич знал паренька - преподавал у него историю и даже, какое-то время бывал классным руководителем. Так что Громову хорошо был знаком этот горьковатый фрукт на вкус. Кое-как с грехом пополам окончил Васька девять классов и подался в ПТУ. Отучился на тракториста, получил водительские права и работал теперь водилой. Всю свою несмышленную жизнь провалял дурака, а теперь зарабатывал ничуть не хуже, чем одноклассники, которые с хорошим аттестатом не сумели найти подходящую работу. Вот она жизнь. Пыхтел-пыхтел за учебниками, а с красным дипломом никому не нужен. Не то, чтобы уж совсем не нужен, а просто нет мест. А все потому, что «засидевшиеся пенсионеры» не желают уступать тепленькие места молодым, или же какое начальство пытается пропихнуть своего работника, не смотря на то, что тот дуб дубом. Так что, поработай парень годик-другой «мальчиком на побегушках», а там, глядишь, и местечко подходящее найдется.

Это произошло в конце мая, когда Олеся готовилась к экзаменам. В девушку влюбился Василий. Вот ведь как бывает - всю жизнь прожили бок о бок, детьми были, ругались постоянно, а только стоило расцвести цветочку аленькому, как тут же сорванец поспел, как шмель какой. И теперь Василий кричит на все село, что у них большая любовь, и что рано или поздно поженятся они и будут жить долго и счастливо. Люди посмеиваются, а тому словно с гуся вода, хоть бы хны. Сколько валерьянки испил с этим Васькой Константин Аркадьевич, сколько нерв потрепал и не сосчитать. Каждую ноченьку уснуть не может. Навадился жених по ночам к их дому ходить. Облокотится

на калитку и по окнам глазами рыщет, как зверь какой. То камушек бросит, то свиснет. Поспи тут с таким. Каждую ночь свои сюрпризы. Весь забор исписан, какая Олеся хорошая, с соседних садов все цветы посрывал.

- Да скажи ты ему, наконец, что не нужен он тебе, Олеська! – бранились соседи. – Для него, гаденыша, цветы сажали?

- Говорила, толку-то, - отвечала девушка. – Если он деревянный, разве ему что докажешь?

- Деревянный не деревянный, а вон как любит.

- Знаем мы эту любовь, - сердился Громов. – Сам костями лягу, но дружбе этой не бывать.

- Этот тугодум теперь житья не даст ни вам, ни нам, - охали соседские бабы. – Хоть кастрируй его, как кот шелудивого. И то не поймет.

- Как бы дом не поджог, - сказал однажды кто-то. – Дурная голова рукам покоя не даст.

Константин Аркадьевич поначалу несерьезно отнесся к этим словам, но каждый раз, когда Васька подходил к забору и начинал глазеть в окна, становилось беспокойно. Поди разбери, что у этого влюбленного дурака на уме? Сколько раз милицию вызывали, сколько раз его забирали, и все ему нипочем. Диву давались, когда же он спит? Днем его не было видно, он всегда в разъездах. Но только наступал вечер, Василий появлялся у забора и искал глазами Олесю.

Этим вечером Васька не появился. Наверное, поэтому Константина Аркадьевича и не покидало странное предчувствие. Куда подевался? Неужто услышал Всевышний молитвы и образумил дурака? Вряд ли. Перед сном Громов на носочках подкрался к окну, как преступник какой, и аккуратно отодвинул край занавески. У забора никого не было. Подозрительно осмотрев двор, Константин Аркадьевич лег в кровать и обнял жену.

- Не видно? – спросила та.

- Не видно, - не сразу ответил Громов.

- Ну и ладно. Давай спать. Может, и правда за ум парень взялся.

- Сама-то себя слышишь, что говоришь? – Константин Аркадьевич искоса глянул на супругу. – Не-ет, этого дьявола, прости Господи, ни одна кочерга не возьмет. Этого уже ничем не исправить. Характер с пеленок. Свалился на нашу шею ирод.

Все же этой ночью Громов уснул в тишине. Никто не шастал у забора, не бросал в окна камушки, и даже пронзительного взгляда сквозь занавески не ощущалось. Пару раз все-таки за ночь Константин Аркадьевич вставал, подходил к окну, но убедившись, что у калитки никого нет, удовлетворенный ложился в постель досматривать сон.

Но рано утром, где-то в четвертом часу, за окнами послышалось громкое пение под гитару. Диким воплем доносилась до жильцов дома отчаянная серенада влюбленного.

«Спря-ячь за-а высо-оким забо-ором девчо-онку, вы-кра-аду вместе с забо-ором...», - Васька выл на всю улицу. Певец из него, как выяснилось, тоже оказался никудышный. Но то, что он старался, было слышно по тому, как он пытался перекричать гитару.

- Это невозможно, - Константин Аркадьевич вскочил с постели. – Что же этот паршивец вытворяет?! Совсем совесть потерял.

Накинув на голое тело фуфайку, прямо в домашних тапочках Громов выбежал во двор. Заприметив хозяина дома, Васька перестал играть и убрал гитару куда-то за спину.

- Совсем ополоумел?! – закричал мужчина. – Я тебя спрашиваю?

- А что такое? – Василий был выпивший. Как ни странно, но пьянством тот никогда не славился. Может, и выпивал, конечно, где-то и с кем-то, но по селу потом не бродил, как веник, не красовался.

- Ты на время смотрел?

- Смотрел.

- Чего ты нам житья не даешь? Чего тебе от нас все надо?

- Олесю.

- Замолчи! – закричал Константин Аркадьевич в гневе так, что и сам испугался своего крика. – Ты это брось, парень. Слышишь меня? Выкинь, говорю, это из головы.

- Как же я выкину, когда я ее, ик, люблю.

Громов глубоко вдохнул и выдохнул, постарался успокоиться, не кричать больше.

- Ты, пойми, Василий, - заговорил он как можно спокойней, рассудительней. – Жизнь она ведь суровая штука. Не всегда она бывает сладка. Многие пытаются урвать самый сладкий кусок и местечко потеплее. Да только с ней, с жизнью, эти номера не проходят. Она в ответ лягнуть может. И очень больно. Нельзя вот так вот с размаху крикнуть «это мое!» и прибрать руками себе. Не все, что хочется, исполняется, как по щучьему веленью. Нет, сынок, такого не бывает. Ведь мы в первую очередь люди, а не варвары какие и дикари, чтобы силой все заполучать.

- Что вы этим хотите сказать? – Васька достал из-за пазухи початую бутыль, откупорил, предложил Константину Аркадьевичу, тот отказался. – За ваше здоровье, папа.

Василий залил в луженую глотку самогона.

- А говорю я про то, что не подходите вы с Олесей друг другу. Разные вы. Во всем разные. Найди другую девушку, которая рада будет разделить с тобой свою судьбу. Неужто у нас девиц больше нет? Вон, какие барышни ходят по селу, только выбирай. Не весь свет клином сошелся на одной Олесе... Да и не любит она тебя.

- Вот с чего вы взяли такую глупость, а? Кто вам сказал, что не любит? Между прочим, мы с ней очень даже хорошо дружим. И у реки мы с ней мило беседовали на

прошлой неделе. Она окуньков приносила? Так это я наловил. И, между прочим, она мне улыбалась и не посылала никуда. Значит, не так уж я ей и неприятен. Верно?

Константин Аркадьевич теребил влажные ладони, пытаясь еще как-то держаться.

- Это ничего не значит.

- Конечно, не значит. У вас всегда все не значит, - Васька облокотился на забор, протянул голову ближе к собеседнику. - Заперли ее, как зверя какого в клетке, и довольны.

- Послушай, что тебе говорят...

- А то я не знаю, что вы мне скажете, ик. Я уже все это сто раз слышал. Вам меня не понять. Я вам чужд. Хорошо. Но вы у дочери спросите, хочет она вечерами гулять или предпочитает, как мелкота какая, дома сидеть. Вон, оглянитесь, - Васька указал рукой в сторону дороги. - Все гуляют, только одна она, как прокаженная. Это же неправильно. Зачем вы вмешиваетесь в нашу жизнь?..

- Что?

- Не украду я ее и не съем. Хотите, мы с ней у дома будем вашего встречаться? Прямо вот тут. Вот на этой лавке. Хотите, под вашим присмотром. Вы же меня совсем не знаете. Не такой уж я и плохой, как вам кажется. А узнаете меня лучше, стыдно станет, что такого ранимого человека обижали. Ик. Папа...

- Замолчи! - Константин Аркадьевич снова взорвался. - Еще раз скажешь такое... Папа. Я тебе... Бесстыжий.

Громов двинулся к калитке. Васька мотнулся от забора. Упал. Попытался встать на ноги, снова упал. Громко засмеялся. Поднялся.

- Все равно мы поженимся. Вот увидите, - сказал парень.

С минуту стояли молча, не шевелясь, глядя друг другу в глаза.

Василий, взяв гитару в руки и играя по струнам, запел, удаляясь в темноту:

С тестем водочку мы пьем,
С тестем крепко дружим.
С тестем весело живем,
Никогда не тужим...

Константин Аркадьевич проводил глазами влюбленного музыканта и осмотрелся по сторонам. Никого больше не было видно. Свет в соседних избах не горел. К счастью, влюбленный Ромео не успел поднять своим воплем народ.

Громов отправился к дому, уселся на приступки, достал из кармана фуфайки папиросы. Вышла жена.

- Ну чего он?

- Чего-чего, ничего. Как об стену горох, ей богу. Трындит и трындит об одном и том же. Не-ет, пока Олеся здесь, житья он нам не даст.

- Что же это за напасть-то такая? - вздохнула супруга. – И ведь не боится никого. Ни милицию, ни...

- Что она ему милиция-то. Чай, он к нам не воровать лезет. А по улице ходить еще никому не воспрещалось, - Константин Аркадьевич взялся за грудь.

- Сердце?

- Сходи на кухню. Достань валидолу. Сейчас подойду.

- Не курил бы.

- Да-а, - Громов мотнул головой. Женщина зашла в дом.

Константин Аркадьевич потушил папиросу. Посмотрел на небо. Начинало светать. Прохладный утренний ветерок пронесся, поглаживая голые колени. Жизнь. Не понятная эта штука жизнь. Сколько думай о ней, сколько гадай, а все равно не познаешь ее тайны. Вспомнилась юность, когда сам Аркадьевич был чуть

моложе Васьки. Вспомнил, как безумно любил свою жену Веру, да только вот боялся и стеснялся к ней подойти. Она и не замечала его в ту пору. В выпускном классе с Игорьком встречаться стала. Тоже вот, такой же, как и Василий, баламут был. Несерьезный. Одно только на уме. И отчего же им, девушкам, пока молоды, такие вот и нравятся шалопаи? Неужто не понимают своим нутром их лисьи повадки – что от них хотят. Вот и Вера тогда не сумела разглядеть истинного Игорька и забеременела. А этот прохиндей, как узнал, сразу на заработки в город, в бега. Потом, правда, объявился, навестил родителей. Что там у Веры стряслось, никто не знает. Да только не выносила она дитя. Окончил Громов институт, вернулся в родное село и, несмотря ни на что, взял Веру в жены. Это тогда он был Костя-учебник, а теперь Константин Аркадьевич. И вот уже тридцать лет живут они душа в душу. И пусть судьбу не предугадаешь, но одно знал Громов наверняка. Девушек, пока они молоды и красивы, нужно оберегать от таких вот пустозвонов. Превратилась куколка в принцессу, а как дальше жить, как с красотой своею совладать, не знает. Ведь любой проходимец может сорвать этот весенний цветок и, наигравшись, выбросить. Понимал и знал это Константин Аркадьевич прекрасно, оттого-то и болело сердце за единственную дочь. Сколько их еще таких вот Василиев будет. Ведь не один он такой. А в город уедет, а там что...

Вдалеке ярко-красным огоньком загорелась заря и пошла волнами по всему небу. В такое утро хорошо и спокойно. Выйдешь, бывало, в такую рань, вдохнешь воздуха, и жить охота. Охота жить и радоваться жизни. Но сейчас этой легкости не было. Глубоко внутри затаилась у Константина Аркадьевича тревога. Прожил он свои годы, много чего повидал, познал суровую правду жизни – потому и тревожно за счастье Олеси. Беспокійно за судьбу единственной дочери. И с этим не поборешься. Отцовское сердце не обманешь.